

Ю.В. Казаков

УДК 179.1

**«Не совсем письмо, не совсем на деревню, не совсем дедушке»:
Владимиру Иосифовичу Бакштановскому – не юбилейное**

Аннотация. В статье рассматривается вклад В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова в профессиональную этику журналиста. Выделяется особо начатая ими системная работа по формированию у журналистов представлений о сути, значении, побудительных мотивах и системных затруднениях профессионально-морального выбора. Анализируется путь создания Общественной коллегией по жалобам на прессу этических документов медийного саморегулированию – Медиаэтического стандарта Коллегии, Регламента Медиаэтической медиации.

Ключевые слова: моральный выбор; профессиональная этика журналиста; медиаэтический стандарт.

В полосе, когда умолкают не только музы, хуже нет, чем обращаться к старшему не по необходимости посоветоваться, а в ответ на определённо несвоевременное предложение публично отчитаться в журнале за лично сделанное в той части массмедийной сферы, которая относится к предмету нашего с В.И. Бакштановским общего интереса – к *профессиональной этике журналиста*.

Про прошлое

Общей с Владимиром Иосифовичем Бакштановским эта часть названной сферы стала для меня, правда, на одну историческую эпоху позднее, чем мы познакомились. О знакомстве чуть позже, сначала – справка: названного *предмета* нашего общего интереса в Советском Союзе во второй половине 80-х ещё не *как бы*, а *совсем* не было, т.е. не существовало. Советский журналист, занимаясь своим делом (если говорить именно о *моральной* его стороне), опирался на собственную *совесть*, на отношение к твоей работе *коллег*, а также на доверие к твоим публикациям тех отдельных *людей*, для кого он писал или снимал. И при этом определённо зависел не только от отношения к тебе лично, но и от федеральной до местной *власти* к твоей профессии.

Что до *этики*, то она у него предполагалась единой, официальной, т.е. партийной. За недопуск отклонений от верного курса отвечали партийные органы и цензура. В одной из своих последних книг дорогой мне *Даниил Александрович Гранин*, связывая нравы и вре-

мена, усмехнулся: «Мы люди свободные, что нам скажут, то мы и захотим».

Переходя к истории нашего знакомства с В.И. Бакштановским: 1987 год, ХМАО, Нижневартовск, *Первый Саямторский практикум*. Тогда ещё только начинавшаяся полоса *Гласности* (это главное слово *Перестройки*, получившее вторую жизнь¹ по факту, по необходимости выбираться из руин партийно-пропагандистской позиции «если хочешь разговаривать, молчи»² не вдруг, а после *Чернобыля*) свела меня с Владимиром Иосифовичем и его старшим другом, партнёром, соавтором *Юрием Вагановичем Согомоновым* по случаю, но не случайно: Бакштановским как событием, личным открытием со мной поделился *Виталий Дымарский*, коллега по редакции *Опыта и проблем перестройки*³. В Нижневартовск мы с ним прилетели на *этическую деловую игру* (тот самый *Саямторский практикум*), которую вели *Валерий Чурилов*, молодой партийный лидер Ханты-Мансийского округа, и *Владимир Бакштановский*, бородатый философ-этик. Пространство практикума было блестяще оформлено художником *Михаилом Гардубеем*. А самым значимым для меня эпизодом этической деловой игры, посвящённой *новому освоению Севера*, стала реплика на выходе из игрового пространства человека безусловно делового, директора нижневартовской ТЭЦ: «Здесь у меня голова заболела в том месте, где до этого вообще никогда не болела».

Это – интродукция, введение в историю отношений. *Этические деловые игры* стали и моей жизнью поздних перестроечных времён; две из них были проведены в АПН. Внезапно образовавшееся в начале 1990 года собкорство в объединявшейся Германии (пропустил в связи с этим и ГКЧП в Москве, и прекращение существования СССР, и появление в стране начал медиаправа: сначала в лице советского закона «О печати», а затем и российского «Закона о средствах массовой информации») прервало наше общение, но ненадол-

¹ «О гласность русская! Ты быстро зашагала, / Как бы в восторженном каком-то забытье...» – это Николай Некрасов, 1860 г.

² Забавный поворот сюжета. Стебаясь над партийной (псевдопарадоксальной) шуткой второй половины 80-х «если хочешь со мной разговаривать – молчи» (в устах нашего общего друга, партийного функционера, она была дважды стёбом, почти проявлением либерализма), мы понятия не имели, что фактически напрямую цитируем слова пионера Вольки, которого заставил говорить в эпизоде с прогулкой на верблюде старик Хоттабыч: «Молчите, если хотите со мной разговаривать». Так 1939 год пересекался через полвека с нашим 1989-м.

³ Нами же с ним придуманной и сформированной чуть ли не за неделю: тогдашнее *Агентство печати «Новости»* старалось успеть за тем, новым для страны временем.

го. Попавшись на «кусочке колбасы» и на «честном слове»⁴, я в итоге был назначен начальником только что образованной *Государственной инспекции по свободе печати и массовой информации*, отвечавшей за введение Закона РФ «О СМИ» и, в том числе за невозврат запрещённой этим законом цензуры. Именно в это время у нас с Владимиром Иосифовичем и образовалось новое для обоих дело – *этизация журналистики*.

Не воспроизвожу здесь не затянувшейся, увы, истории взлёта *теории профессиональной этики журналиста* в России. Напоминаю разве что о немногих состоявшихся, т.е. достаточно удачных попытках перевода «идеально-должного» (по Бакштановскому/Согомонову) в нормативные журналистские документы⁵, но прежде всего о том отдельном, *наднормативном*, что связано с именами и усилиями блестящей пары инноваторов, долгие годы прочитывавшихся именно через дефис: *Бакштановский-Согомонов*.

Главное вот что: именно они, «удвоенные» привнесли в *профессиональную этику журналиста* (в мировую, не только в российскую) представление о сути, значении, побудительных мотивах и системных затруднениях *профессионально-морального выбора*.

Именно они начали системную работу, призванную разбудить в журналистах навыки рефлексии, в основании которой должны были обнаруживаться зачатки искомого профессионально-морального сознания, – помогая его выявлению, оформлению, развитию.

Замечательная книга «*Становление духа корпорации. Правила честной игры в сообществе журналистов*» (1997) – не только «гуманитарная экспертиза и консультирование»⁶ журналистики как *профессии*, делавшей тогда в России первые шаги именно в таком, а не *ремесленном* качестве. Но ещё и потрясающий автопортрет носителей «духа» профессии, а не «цеха» советского типа, тогдашних лидеров прессы, московской и региональной.

⁴ Окуджавская усмешка («ловят нас на честном слове, на кусочке колбасы») обернулась в моём случае сменой рода деятельности: министр печати Михаил Полторанин, недолгий коллега по АПН, вызвал меня в ноябре 1991 года в Москву, поймал на обе приманки. «Я понимаю, – сказал он, – что у тебя там колбас завались, а у нас тут пустые полки. Но ты же ратовал за свободу печати. Так и отвечай за неё, действуй!»

⁵ Конкретно – о практически одновременно увидевших свет *Кодексе профессиональной этики российского журналиста* и *Декларации Московской Хартии журналистов* (1994 г.), а также о чуть более поздней, но также очень важной *Декларации Гильдии судебных репортёров «О правилах честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования»*.

⁶ Это из аннотации к книге. Определение жанра, который был создан В.И. Бакштановским еще в 80-х годах.

Егор Яковлев, Сергей Корзун, Виктор Лошак, Игорь Голембиовский, Виталий Третьяков, Александр Минкин, Олег Добродеев, Эдуард Сагалаев, Анна Политковская, Леонид Радзиховский: кто тогда в стране не знал этих имён? Но потом лет уже через десять, не все из них, полагаю, готовы были подать друг другу руку. Но тогда ведь они все отозвались на предложение всерьёз поговорить об этике профессии.

Куда меньше знали, понятно (но именно в стране, а не в Тюмени, которая была выбрана контрольной региональной точкой на карте) Рафаэля Гольдберга, Александра Омельчука, Юрия Пахотина или Ольгу Лобызову, например. Но как же и они оказались интересны (именно как носители «духа» профессии) в ответах на вопросы, которые им задавал Бакштановский!

Соединение замешанных на этической рефлексии представлений о своей работе этих очень разных людей с понятиями о журналистике замечательных профильных экспертов, изучающих журналистику и помогающих ей стать профессией и в России тоже (в этом ряду – Алексей Симонов, Иосиф Дзялошинский, Сергей Муратов, Дмитрий Авраамов, Всеволод Вильчек, Галина Лазутина) образовало потрясающий эффект погружения в процесс становления профессии как в надежду, а не проблемное поле.

Вот когда я в полной мере проникся смыслом реплики директора нижевартовской ТЭЦ: у меня, одного из четырёх редакторов этого сборника, голова заболела сразу в нескольких местах так, что призрак «Духа Корпорации» мной лично и сегодня, должен признать, воспринимается сильнее, чем «Призрак Оперы»...

Приближаясь к завершению ретроспективной части текста: я и по сей день в выпуски «Настольной книги по медийному саморегулированию»⁷, которые мы редактируем, как правило, совместно с М.А. Федотовым⁸, включаю замечательную Тюменскую этическую медиаконвенцию, которую журналисты Тюмени поэтапно, пошагово

⁷ Эти ежегодники *Общественной коллегии по жалобам на прессу* предъявляют и обобщают живой опыт российского органа само- и саморегулирования, 2005 года рождения.

⁸ Доктор юридических наук, профессор, чрезвычайный и полномочный посол и проч., но прежде всего – выдающийся медиаюрист, один из четырёх авторов советского Закона о печати и российского закона «О СМИ». В прошлом – Министр печати, много позже – председатель Совета по правам человека, ныне – директор Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам», секретарь Союза журналистов России. Что для меня главное – отец-сооснователь и неизменный сопредседатель *Общественной коллегии по жалобам на прессу*, российского органа само- и саморегулирования, существующего с 2005 года.

выстраивали в конце 90-х при мягкой, деликатной и очень точной модерации В.И. Бакштановского⁹. А на семинарах с журналистами и студентами, которые работают с Коллегией в Москве и в регионах, я обычно говорю: «О профессиональной этике журналиста написано много, на моей полке только учебников с таким названием с полдюжину. Читайте их, читайте вообще всё, до чего дотянетесь: сравнивать представления о предмете, который для вас жизненно важен, не только полезно – важно. Но если хотите понять в своей профессии главное, то не спеша прочтите от корки до корки две книги В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова: “*Моральный выбор журналиста*” и “*Этика профессии: миссия, кодекс, поступок*”».

Образ Дон Кихота в югорской лодочке на обложках этих книг – замечательное произведение *Михаила Гардубея*, нашего с Бакштановским друга, в мастерской которого, вот печаль, мне уже больше не вглядываться в особые «гардубейские» картины и рисунки, разговаривая с их автором. Спасибо, что этот рисунок у *Гардубея*, художника и философа, когда-то получился именно таким; замечательно, что гардубейский Дон Кихот был выбран Бакштановским для обложек их совместных с Согомоновым-старшим¹⁰ книг. Для меня важно, чтобы этот зримый символ, образ носителя морального выбора, перешёл к журналистам молодым и совсем юным, в том числе будущими, с которыми Коллегия работает в рамках т.н. «молодежного подпроекта» теперь уже в четырёх регионах. Одна из команд этого подпроекта сформировалась в Ханты-Мансийске, в Югорском университете, где преподаёт *Валерия Абилюкенова*, ученица Владимира Иосифовича. К ученикам которого я и себя отношу, надеюсь – не безосновательно...

Про настоящее

С сожалением пропуская большой, многолетний пласт наших прежних, очень дорогих для меня проектов, совместных семинаров для журналистов в различных регионах, – прямое обращение к юбилею.

Дорогой Владимир Иосифович! Поскольку и Вы всё же не дедушка профэтики журналиста, и я не совсем Ванька Жуков, письмо «на деревню» («до востребования», по-Вашему), буду строить, во первых, стараясь избегать эзопова языка, которым подцензурные

⁹ Тюменская этическая медиаконвенция, так сложились обстоятельство места и времени, осталась не воплощённой в жизнь, не реализованной, не подкреплённой и не закреплённой региональной профессиональной практикой. Но она ведь изначально обозначалась как документ «до востребования».

¹⁰ Согомонов-младший для меня – это Александр Юрьевич Согомонов, замечательный социолог и политолог, ведущий научный сотрудник Сектора социологической науки Института социологии РАН.

советские журналисты владели вполне, а постсоветские – кто подзабыл, а кто не освоил: за многолетним отсутствием за-памятовал. И, во-вторых, ничего не изобретая специально, воспроизводя то что уже говорил или писал (но для других аудиторий) по случаю, который имел отношение к предмету нашего общего интереса.

Три текста: два моих выступления – и одно введение в сборник, сказать о котором посчитал здесь необходимым. Хронологический период – полгода, от ноября 2021-го до мая 2022-го.

Декабрь 2021 года (1)

Начну с середины. Большая международная конференция в Высшей школе экономики, посвящённая 30-летию Закона РФ «О СМИ». Мне доверено одно из трёх т.н. «приветственных слов». Жанр понятен, регламент тоже.

Я не юрист, но этот Закон вводился в жизнь моей Госинспекцией, это для меня важно. Как важно и то, что без этого закона, без его модальности и духа, употребляя понятное нам слово, в России 90-х никогда бы и близко не сформировались основания для медийного саморегулирования. И в этом смысле тоже пять слов о нём бывшего (недолгого) казённого защитника свободы печати, а затем члена Большого жюри СЖР и члена Палаты медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу, сопредседателя Коллегии понятны, оправданны. Но это – внешняя сторона дела.

О внутренней – подробнее, но именно потому, что она важна для понимания текста. Закон РФ «О СМИ» был *создан* (плохо, банально), *сконструирован* (ещё хуже, *социальный конструктивизм* всегда подозрителен, как минимум), *соткан* (вот правильное слово) в далёком 1991 году таким образом, что в него был включён (в логике *ответственности, вменяемой государством*, т.е. обязательности к исполнению: без дискуссий и без оговорок об их особенности; *закон есть закон*) целый ряд положений, которые в современном мире принято относить к сфере *самоопределения журналистских ассоциаций и организаций*, т.е. к медийному *саморегулированию*.

Когда-то я по этому поводу публично ворчал, но потом изменил позицию.

Дело в том, что вариант профессионального поведения, *предписанный* этим законом, не просто *обнаруживался*, как правило (мы говорим примерно о десятке статей, т.е. о шестой части закона, чтобы всё правильно понималось) *наилучшим из возможных* (и в проявлении профессионально-этического начала, в том числе); прессе он

практически помогал *профессионализироваться*¹¹. Именно чёткостью, определённой, если говорить о медиаправе, но при этом ещё и *этической точностью*, выверенностью и на этот счёт своих *предписаний* Закон РФ «О СМИ» преодолевал безумную *энтропию* «волюшек-воль», которая породила в то время как какую-нибудь «Красную шапочку» времён начала девяностых – с её наивной порнографией буквами, так и вполне себе побуждавший именно русский народ к палашам «Пульс Тушино», в итоге запрещённый по вполне себе уголовной статье, если мне не изменяет память. Эта *энтропия*, напрямую связанная с отсутствием в нашей новой журналистике не новых, но именно фундаментальных начал её как профессии, а также с наступившим, наконец, отсутствием цензуры, ещё в позднесоветские, перестроечные времена не только стала восприниматься *нормальным*, проявлением *свободы выражения мнений* в журналистике многими из тех, кто пришёл в редакции, а значит и в профессию, что называется, *с улицы*, но и обнаружила готовность и способность *глушить* (сила сорняка, запах денег, но ведь и ожидания значительной части общества, не прошедшего стадию превращения в *гражданское*) настоящую *свободу слова* в сфере массовой информации.

Судьба Закона РФ «О СМИ» оказалась счастливой, но очень непростой: десятки и десятки вторжений в него законодателя изрядно травмировали эту «священную корову» нашей журналистики¹². О чём я вскользь, но достаточно определённо и напомнил в своём приветственном слове.

Привожу здесь, отчитываясь, его основную часть.

У немцев есть идиома «принадлежащее истории»: «событие, принадлежащее истории» или «лицо, принадлежащее истории».

Мы в России говорим – «историческое» или «вошедшее в историю».

Лично мне «принадлежащее истории», т.е. принятое, освоенное признанное историей представляется наиболее точно соответствующим сегодняшним юбилеям: и Закону РФ «О СМИ», и замечательному трио его авторов: Юрию Батурину, Михаилу Федотову, Владимиру Энтину.

¹¹ Это говорит о качестве, проработанности Закона РФ «О СМИ», соавторами которого были Юрий Михайлович Батулин, Михаил Александрович Федотов и Владимир Львович Энтин.

¹² «Священная корова» – образ М.А. Федотова. См: М. Федотов. Место саморегулирования в расширяющейся вселенной медиа. «Настольная книга по медийному саморегулированию. Выпуск 10. От «третьей» Коллегии к «четвертой» (...). М. 2020, с. 3-17.

Вот уже три десятка лет и я тоже восхищаюсь основательностью вклада в российскую жизнь этого удивительного по силе и красоте импульса правового нормотворчества. Этот импульс задал директорию развития свободы и ответственности СМИ и журналиста в России, повлияв на историю и медиа, и страны.

Перефразируя сказанное когда-то о выходе русской классической литературы из гоголевской «Шинели», скажу, что из Закона «О СМИ» вышли и 29-я статья российской Конституции, и Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу, и сама Общественная коллегия. Полагаю, что Дмитрий Андреевич Муратов с этим согласится, – тот дух редакционной и личной, редакторской и журналистской ответственности за свободу честного слова, который нашёл своё историческое воплощение в Нобелевской премии главреду «Новой газеты».

Известно, что у того, кто говорит приветственные слова последним, всегда не хватает времени на то, чтобы досказать важное.

Поэтому ограничусь приведением одной известной всем в России стихотворной строчки, напоминанием об одной из игр нашего детства и отсылкой к одному образу из российской прессы самого начала девяностых.

Строчка – из Александра Твардовского: «Города сдают солдаты,/ Генералы их берут».

Высота Закона «О СМИ» (размером со страну) была взята тремя тогда ещё чистой воды рядовыми. Но вот каждая попытка проделать дырку в «священной корове» российского медиапространства предпринималась и предпринимается генералами. Всегда – в целях улучшения качества закона и приближения его к жизни.

Детская игра – это «морской бой», 10 на 10 клеточек в блокнотах. Среди нескольких меньших по размеру был один четырёхклеточный корабль, именовавшийся «линкором». Если соперник в него попадал, угадав первую клеточку, ты должен был сначала ответить «попал», а далее: «горю», «горю», «догорел».

Конструкция Закона РФ «О СМИ» оказалась такой, что все, кто попадает в этот «линкор», уже почти три десятка лет переспрашивают друг друга: опять не догорел?

Ну, и образ, навеянный публикациями начала 90-х годов прошлого века. Наша пресса тех времён обнаруживала выраженные признаки «кессонной болезни», связанной с запретом цензуры. Спасти свободу слова от саморазрушения могло только чудо декомпрессии. Роль такого чуда и сыграл Закон РФ «О СМИ».

Это – итоги, время давно прошедшее.

Сегодняшнее нуждается в вашем серьёзном анализе».

Прозвучавший вскоре же ответ мне *Александра Хинштейна*, главы соответствующего комитета в Госдуме, ни приводить, ни комментировать не буду. Скажу только, что с моими оценками воздей-

ствия законодателей на Закон РФ «О СМИ» законодатель не согласился. Его право. Свобода выражения мнений.

Ноябрь 2021 года (2)

Следующий текст чуть более ранний по времени публикации. Это моя вступительная статья («Остановиться? Оглянуться!») в первый раздел сборника *«Рекомендуется. Допускается. Запрещено. Мировая журналистика в нормативных этических документах»*, выпущенного Общественной коллегией по жалобам на прессу.

Текст большой, здесь приведу только один его фрагмент, системный. Его подзаголовок: *«Про “было”, “стало” и “новые горизонты”»*.

Предисловие «От составителей» к сборнику, который уже открыт уважаемым читателем, написано Владимиром Авдеевым, курировавшим переводы с английского. Благодаря его переводам, кстати, почти четверть века назад и появился упомянутый им сборник «Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы». Сборник, содержащий десятки журналистских кодексов и международных документов, посвященных в той или иной мере деятельности СМИ и журналистов, впервые был издан *Фондом защиты гласности*, сделавшим очень много для этизации отечественной журналистики, в 1998 году, последнее по времени его издание – 2004 года.

Ровно отсюда и начнем про «было – стало»: никому из нас в те времена не могло прийти в голову, что Фонд защиты гласности однажды будет признан «иностранным агентом». Это про перемены, про условия, в которых проявляются (или не проявляются) ожидания, связанные с перспективами качественной прессы в России.

Про «было – стало» с журналистикой в России и в мире: взгляды и выводы тех, кто об этом говорит, придерживаясь различных представлений, в том числе о признаваемом должным для журналиста, неизбежно разные, до диаметрально противоположных. Ситуация глазами редактора «Новой газеты» – в Нобелевской лекции Дмитрия Муратова. Про настоящую журналистику там сказано: она – условие движения вперед, антидот от тирании. А про миссию профессии – журналисты пытаются улучшить будущее.

Вот на что обращаю внимание читателей сборника: у очень и очень разной прессы, у представителей различных редакций и журналистских ассоциаций по определению не может быть единого, общего для всех прочтения предназначения, миссии журналиста или даже журналистики. Про «улучшение будущего» – это подход, определение смысла жизни в профессии главреда «Новой газеты», единственной в своем роде. Это первое.

Второе. Само слово «миссия», очень важное для Дмитрия Муратова, почти не встречается в профессионально-этических документах, по крайней мере в тех из них, которые составили данный сборник. Почти

исключение из правил - найденное в японском «Каноне журналистики»: «Миссия репортеров заключается в постоянном поиске истины». Но даже и здесь допустимо сомнение: а мы миссию от задачи отличаем?

Уверенного ответа на вопрос о том, по какой причине отсылка к миссии в нормативных документах так редка, не имею. Могу предположить, что кодексы «подсушились», стали экономнее на слова, которые могут показаться пафосными, потому что индустрия больших медиа прагматична, высоких слов избегает. Но вот на что обратил бы внимание: в постиндустриальном обществе, где, согласно теории, всё большую роль должен играть профессионализм, восстановление в правах миссии как фактора мобилизации и упрочения профессионально-этического начала именно для журналистики может обнаружиться действенным способом защиты, предохранения от постепенного растворения в сетевой и блогерной культуре отношения к миру и человеку.

Реплика сугубо дилетантская, оставляю размышления и выводы, связанные с судьбой журналистской миссии, теоретикам и самим журналистам. Отчасти снимая собственную растерянность, сошлюсь на «моральное междуцарствие», передавая привет В.И. Бакштановскому, когда-то привнесшему вместе с Ю.В. Согомоновым в пространство профессиональной этики журналиста теорию морального выбора. Но сразу же и замечу, что не в употреблении или неупотреблении слова «миссия» дело, как мне представляется; значение имеют буква, дух, интенция тех документов, которыми задаются сущностные черты представлений о норме в журналистской профессии первой четверти XXI века.

Возвращаясь к «было – стало», отмечу то, что мне показалось главным при прочтении десятков и десятков документов, пусть пока только в общем.

Первое и главное: за четверть века (при всех переменах в мире, и не только технологических) в профессионально-этических документах ничего не просело в самом важном: в тех ценностях, на которые профессия опирается, и в тех принципах, которыми предлагается руководствоваться журналисту. Есть некоторые подвижки в прочтении тех же ценностей, в их усложнении (это так), есть некоторые изменения в нормах, профессиональных правилах (о некоторых скажу позже). Здесь обращу внимание прежде всего вот на что: едва ли не большинство документов начинаются не с норм и правил, а с профессионально-этического по характеру, выходящему на должностное поведение журналиста, обращения к праву граждан на информацию, на свободу выражения мнений и критики. Возможно, наиболее концентрированное отражение этой позиции — бельгийский *Этический кодекс*: «Право на информацию, свободу выражения мнения и критику являются основными правами и необходимыми условиями в демократическом обществе». И первое предложение исландского *Кодекса журналистской этики* об этом же: «В своей работе журналисты всех без исключения средств массовой информации должны постоянно принимать во внимание основные правила человеческих отношений, право граждан на информацию, свободу выражения мнения

и критику». Да и *Руководство для журналистов* Финляндии начинается с того же: «Свобода слова – основа демократического общества». Эту мысль в выражениях, различающихся словами, но не смыслами, вы будете встречать в документах этого сборника снова и снова. Свобода слова и право граждан на информацию для профессии – входной пароль.

Второе (в значительной мере подкрепляющее первое): определенная часть нормативных профессионально-этических документов уже напрямую обращена также и к онлайн-журналистике, заходящей в том числе на территорию соцсетей. И ценности, и принципы, и даже правила здесь в большинстве своем обнаруживаются теми же, что и в офлайн-журналистике. Уже упомянутый финский документ, например, полностью именуется так: *Руководство для журналистов и Приложение к нему. Продолжение базовой, основной части (Приложение к руководящим принципам: материалы, публикуемые на веб-сайтах СМИ)* – всего-то в страничку текста – обязывает редакцию не допускать публикации на своих веб-сайтах контента, нарушающего неприкосновенность частной жизни и покушающегося на человеческое достоинство; предостерегает от контента дискриминационного, подстрекающего к насилию, возбуждающего ненависть по отношению к отдельному человеку или группе лиц, призывает обращать особое внимание на онлайн-форумы, ориентированные на детей и молодежь; обязывает четко разграничивать форумы, предназначенные для публики, и редакционное содержание.

Не углубляясь в тему онлайн-журналистики, приведу еще, пожалуй, выдержку из французского *Кодекса журналистской этики*, выбрав этот документ из многих других по причине обнаружения в нем такого субъекта, как орган саморегулирования. Признав работу в таких социальных сетях, как Facebook и Twitter, в блогах и проч. «неотъемлемой частью журналистской деятельности», *Совет по вопросам журналистской этики* отметил: «Разумеется, лица, осуществляющие информационную деятельность, как и любой другой человек, имеют право на выражение мнения. Но при распространении информационных сообщений на цифровых носителях, предназначенных для неопределенной и неограниченной аудитории, следует учитывать, что они занимают практически журналистской деятельностью. Поэтому они обязаны соблюдать нормы профессиональной журналистской этики».

Ну и, наконец, в качестве конкретного и значимого примера обновления сразу и ценностного ряда, и нормативного, приведу здесь одну конкретную позицию британского *Кодекса стандартов редакторов СМИ*, разработанного Независимой организацией по стандартам прессы (IPSO).

Ссылаясь на этот документ на упомянутом в самом начале студенческом вебинаре Коллегии по кейсу № 230, я сгоряча представил его как «хорошо известный нам британский Кодекс практики». Здесь это представление поправлю, отделяя задним числом «так» от «не совсем так».

В *Кодексе стандартов редакторов СМИ* и в самом деле легко узнается современная редакция *Кодекса практики*, ратифицированного британской Комиссией по жалобам на прессу 5 марта 2003 года, это так. А вот что не совсем так: в *Кодексе стандартов редакторов СМИ* заметно изменилась, расширилась позиция, посвященная общественному интересу: одна из ключевых не только для этого документа, должен заметить.

Почему останавливаюсь именно на этой позиции и этом документе, представляя новое в нормах? Во-первых, в силу особой, как мне кажется значимости подхода к пониманию общественного интереса в нормативных документах и для самой журналистской профессии, и для общества в целом. Во-вторых, потому, что эта позиция – и именно в прочтении *Кодекса практики* – вошла в свое время в *Медиаэтический стандарт* Общественной коллегии по жалобам на прессу.

К последней теме вернусь позже, здесь же предложу короткий экскурс в тематическую нормативность, мне он представляется в данном случае необходимым.

Не со вчера научившись отделять общественное любопытство, т. е. понятное, оправданное и, как правило, достаточно легко удовлетворяемое человеческое побуждение, любопытство широкой публики, от того, что любопытством не является, но при этом отвечает исторически складывающимся нуждам и чаяниям больших человеческих общностей (как здесь не вспомнить муратовскую формулу «улучшения будущего»), нормативные документы, говоря о долженствовании журналиста, и по сей день широко используют словосочетания «общественные интересы» или «интересы общества»: не разъясняя определений подобного рода и не устанавливая их границ.

Согласитесь, что при таком «облачном» прочтении предмета повышенной ответственности ожидать от журналиста можно разве условно «особого» пригляда к некоей территории смыслов и ситуаций, предполагаемых жизненно значимыми для общества, но и только. Ни о каком реальном сосредоточении внимания журналиста на конкретных признаках наступления нужды в профессиональной мобилизации (выходящей за пределы повседневной, рутинной, если угодно, общепрофессиональной нормы) речи идти не может, поскольку признаков наступления таких ситуаций не обозначено.

Подход британского *Кодекса практики*, который был мною введен в сборник профессионально-этических документов 1994 года, отличался от всех остальных именно тем, что преодолевал опасную размытость предмета особой ответственности журналиста на стратегическом направлении защиты общественных интересов. Он обнаруживался рациональным или даже инструментальным, поскольку *Кодекс практики* на месте позыва обнаруживал установку: «Общественный интерес распространяется на...» Это «на» включало всего-то три конкретных позиции: обнаружение и раскрытие преступлений и серьезных проступков, защита общественного здоровья и безопасности, предотвращение за-

блуждений, возникающих у общественности в результате заявлений или действий отдельных лиц или организаций.

Вопрос из середины 90-х: и это всё? Ответ из того же времени – да, всё – с точки зрения реально понимаемой ответственности за выбор профессионалом позиции, получающей пограничное с правовым (внимание!), но именно профессионально-этическое обоснование.

Обнаруженное прочтение общественного интереса выделяло из всего прочего, представлявшегося также возможным умозрительно, те стратегически значимые площадки, на которых в первую очередь устанавливался и должен был поддерживаться силами журналиста и СМИ баланс прав и свобод, что называется, «первой руки». (Права на доступ к информации и на защиту частной жизни, если говорить о самом главном.) И – что ещё гораздо труднее и выговаривается, и понимается, поскольку разговор не о праве, а о профессиональной этике журналиста – баланс интересов государства, общества (в его многообразии, заметим) и конкретного гражданина, частного лица.

Вместе со «стратегическими» площадками выделялись по факту и те зоны повышенного общественного и профессионального риска, обнаруживая в которых себя, журналист должен иметь, получать от государства с одобрения общества (для того чтобы действовать с предписываемыми ему повышенной осторожностью и повышенной ответственностью; здесь феномен опережающего долженствования, у нас практически не обсуждаемый, обратите внимание) право (в том числе или прежде всего – профессионально-моральное) отступать от базовой, обыденной профессионально-этической нормы в ситуациях, когда и если того требует общественный интерес, способный подниматься в условном градусе до превосходящего.

Что важно иметь в виду: рассматривая отступление от нормы и в данной ситуации тоже как исключение из правил, британский *Кодекс практики* звездочками отмечал, отделял от других те конкретные тематические разделы или позиции, которые допускали это самое отступление в случае апелляции к общественному интересу, но не предусматривал никаких отступлений в ситуациях, звездочками не отмеченных.

И еще: во всех случаях, когда имела место эта самая апелляция к общественному интересу, Комиссия по жалобам на прессу намерена была потребовать «полных объяснений от редакторов в том, каким образом издание послужило этому самому общественному интересу».

На этом выхожу из отвлечения на тематическую нормативность. И возвращаюсь к тому, о чем уже упомянул как о факте: российская Общественная коллегия в свой *Медиаэтический стандарт*, принятый в 2016 году, включила тогда именно инструментальное прочтение понятия «общественный интерес», позаимствовав его из *Кодекса практики* и сохранив в силе по части «относится» те самые три позиции.

Ну, а теперь искры на пересечении параллельных. Под занавес 2021 года обнаруживается, что в новом (для меня, что делать) британском документе звездочки документа 2003 года сохранены и стоят на

месте. На месте обнаруживается и предупреждение о том, что может последовать в случае апелляции к общественному интересу; есть различия в словах, но это вопрос перевода, смысл сохранен.

Но при этом позиций – тех самых, ключевых – уже не три, а семь, это первое. (К знакомым добавляются, например, «сообщение о невыполнении или вероятном невыполнении человеком или организацией каких-либо значимых обязательств» и «сообщение о судебной ошибке»). Второе: редакции, подписавшие с органом саморегулирования, IPSO, соглашение, в основу которого положен *Кодекс стандартов редакторов СМИ*, уведомляются о том, что общественный интерес, распространяясь на названные конкретно пункты, пунктами этими всё же не ограничивается. И наконец, третье: общий, если угодно, генеральный вывод, приводимый отдельным пунктом, – «Общественный интерес находит выражение в самой свободе выражения мнения».

Как человек, напрямую отвечающий в Коллегии за жизнеспособность *Медиаэтического стандарта*, безусловно соглашаюсь с констатацией, напрямую замыкающей общественный интерес на свободу выражения мнений: да, конечно, как сам-то не додумался да этой формулы? И семь пунктов нахожу оправданными, еще ближе подошедшими к букве и духу пункта 2 («осуществление свобод, налагающее обязанности и ответственность») статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, из которой когда-то выросли и три приведенных пункта *Кодекса практики*.

Огорчаюсь задним числом тому, что всего-то полгода назад, когда мы на ежегодной научно-практической конференции Коллегии обсуждали, а затем и принимали новую редакцию *Медиаэтического стандарта*, обновленное прочтение общественного интереса в британском документе не было нам известно, но могло быть вовремя, что называется, учтено. Теперь мы о нем знаем, будем вводить в обсуждения. Параллельные вновь пересеклись, и это тоже оказалось значимым и для профессии, и для органа саморегулирования.

И последнее в этом разделе. Не продолжая темы «было – стало», скажу буквально пару слов на тему «новые горизонты». Если значительная часть европейских документов, пусть в каких-то прежних редакциях, как и некоторая часть документов национальных журналистских ассоциаций США, была известна многим из тех, кто занимается профессиональной этикой журналиста, например, в университетах, читая такой курс, так или иначе включалась в обсуждения с журналистами и студентами журфаков, то прибавление этим сборником документов национальных журналистских ассоциаций Албании, Северной Македонии, Косово – это очень серьезное углубление наших представлений и о журналистике Европы в том числе. А уж прибавление журналистских документов целого ряда стран Азии, Африки, Австралии и Новой Зеландии – это и расширение линии горизонта, заметное прибавление наших знаний и представлений о целостности профессии (специально включаю это новое для меня обозначение подхода к предмету, встретившееся как

минимум в двух кодексах), и осязаемый вклад в осознание реального многообразия, многоцветья профессионального мира.

Комментировать прибавления в деталях не буду, этот узнаваемый, но новый мир нужно для начала освоить. В чем могу заверить как прочитавший сборник «насквозь», что называется: если вы профессионал, знакомство с документами ЮАР или Намибии, Монголии или Новой Зеландии не только не оставит вас равнодушным, но сделает профессионально богаче. Это оценка и назначения сборника, и его значения.

Май 2022 года

Ну, а третий текст – это моё выступление на *Ежегодном деловом форуме* с названием, абсолютно вызывающим по месту (Москва, Россия) и времени проведения: «*Качественная пресса и перспективы её развития*».

Описание ситуации: медиафорум с таким названием проводит замечательный журнал «Журналист», дважды за год обращавшийся ко мне за интервью, напрямую связанным с профессиональной этикой журналиста и за комментарием по поводу присуждения Нобелевской премии Дмитрию Муратову, главному редактору «Новой газеты». На момент сбора форума «Новая газета» вынужденно приостановила выход, Дмитрий Муратов пережил не только мерзкое, но и угрожающее жизни нападение в поезде Москва – Самара, но российская пресса, при всех свалившихся на неё бедах и ограничениях, жива: в зале – много редакторов региональных СМИ. А на подходе к нему, в роли помогающих работе медиафорума, обнаруживается одна референтная для меня (виделись прежде в ZOOM-е, встретить здесь не предполагал) группа будущих журналистов, о которой скажу далее специально.

Прямо передо мной в первой части медиафорума прекрасно говорит о профессии и попутно представляет свою книгу «*Честное слово. Мастера журналистики о границах правды и свободы*»¹³

¹³ Книга, выпущенная в 2020 году ООО «Медиагруппа “Журналист”» – это замечательный, поверьте на слово, сборник тематических интервью, взятых Надеждой Ажгихиной (журналистскую биографию начинавшую в легендарном «Алом парусе» когда «Комсомолки») у людей, понимающих толк в качественной журналистике. Перечисляю имена: *Светлана Алексиевич, Александр Архангельский, Валерий Выжуртович, Лидия Графова, Эльвира Горюхина, Леонид Жуховицкий, Ева Меркачёва, Леонид Млечин, Юрий Рост, Владимир Снегирёв, Валерий Яков*, сразу же уточняя, что это – только начало ряда и только российские журналисты. А в книге есть ещё и *Рикардо Гутьеррес, Анна Дель Фрео, Уильям Брумфильд*. Не рекламирую книгу, цитирую предисловие, написанное самой Надеждой: «Журналистов, где бы они ни работали, объединяет нежелание подчиняться цензуре, стремление “выходить за флажки”, потребность расширять границы правды и свободы. Героям книги, которую вы держите в руках, мне кажется, это удаётся». Мой единственный комментарий: привет 2022-му году из 2020-го.

Надежда Ажгихина, редактор «Журналиста» и член Общественной коллегии по жалобам на прессу. Ну, а прямо следом за мной (так получилось, пробки на дорогах) – Мария Захарова, директор Департамента информации и печати МИД РФ.

Представления о том, что такое качественная пресса и взгляды на её перспективы у выступающих, понятно, различаются; главное, что они предъявляются конкретной медийной аудитории: тоже не монолитной, но выходящей на свою, именно региональную аудиторию.

Привожу здесь не стенограмму своего выступления (её пока нет), а его текст – каким он был подготовлен. Со стенограммой совпадёт не во всём, но главное, тематически значимое, было сказано так, как написано.

Уточню, что заявленная тема моего выступления была достаточно узкой: «Новая форма саморегулирования СМИ: медиаэтическая медиация». Сразу по проясню заглавную тему форума («перспективы качественной прессы»). Однако, стало понятно, что говорить только о медиаэтической медиации (МЭМ), не увязывая её с нынешними проблемами прессы, не получится. Так что к теме МЭМ в выступлении я подошёл не сразу. Попросил за это прощения у аудитории медиафорума, а здесь прошу у тех, кто будет знакомиться со сказанным мной 24.05.2022 года именно по этой публикации.

В романе Владимира Набокова «Пнин» есть такая характеристика главного героя: его любили не за какие-то специальные знания, а за «незабываемые отклонения от предмета, когда он снимал очки, чтобы устремить сияющий луч в прошлое, протирая стёкла настоящего».

«Сияющий луч» мысли, протирающий возвратным путём, отражаясь от прошлого, «стёкла настоящего» – метафора писательская, не журналистская. Но мне она показалась полезной, своевременной, уместной.

С огромным уважением относясь к носителям тех имён, которые называла здесь Надежда Ильинична Ажгихина, член Палаты медиасообщества Общественной коллегии по жалобам на прессу, я всё же уточнил бы, что прошлое нашей журналистики, даже и в лучших его проявлениях, – важный, но далеко не единственный материал, способный помочь нам в «протирке стёкол» настоящего и, тем более, будущего журналистской профессии.

С чем соглашаюсь безоговорочно: сама по себе «протирка» оптики журналистики, её регулярная проверка и юстировка, если мы говорим о состоянии, прежде всего, именно качественной прессы, дело обязательное.

Как человек, без малого четверть века занимающийся рассмотрением жалоб на СМИ, я бы, говоря о перспективах качественной прессы в России, сосредоточил сегодня внимание на конкретной задаче удер-

жания конкретными СМИ ориентира на отнесение себя к прессе именно такого рода.

Это личная реакция на ситуацию, в которой российская пресса обнаружилась глубоко задетой сначала полосой пандемии, а затем, без роздыха, т.н. «новой реальностью» т.н. «военной спецоперации».

Не развивая здесь этой тяжелой, но особой темы, возвращаюсь к оптике журналистской профессии, задаваемой, прежде всего, её этикой.

Показываю две книги. Одну я собрал около четверти века назад. Это последнее по времени (2004 г.) издание сборника «Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы». Надеюсь, что многие из вас с ней знакомы. Вторая книга – это изданный Общественной коллегией по жалобам на прессу под занавес минувшего года сборник «Рекомендуется. Допускается. Запрещено. Мировая журналистика в нормативных этических документах». (Экземпляр этого сборника, не имеющего аналогов не только в России, передаю «Журналисту» с просьбой о размещении соответствующего файла на сайте журнала, чтобы все вы смогли дотянуться до его содержимого).

Возвращаясь к теме «протирки оптики» и под этим углом зрения сравнивая нормативные документы журналистских сообществ в различных странах не только между собой, но и с их прошлыми редакциями, я вижу, как далеко европейское и мировое журналистское сообщество продвинулось за четверть века к сути профессии: и как таковой, и на перспективу.

Очень надеюсь на то, что у вас, у практиков, есть разные рецепты обустройства перспективы качественной прессы, рискну предложить небольшой набор своих: надеюсь, дополняющих или уточняющих ваши, а не противоречащих им.

Мой первый рецепт, относящийся к уже обозначенной задаче удержания конкретными СМИ ориентира на отнесение себя к качественной прессе, таков: почаще напоминать самим себе об истории и природе журналистской профессии.

Что касается истории. Полезно помнить, что журналистика – особая, высокая профессия (по определению Владимира Иосифовича Бакштановского и Юрия Вагановича Согомонова, привнесших в журналистскую этику важнейшее понятие ситуации морального выбора), и что она при этом – профессия молодая. Моментом подведения её «под крышу» принято считать время запуска института медийного саморегулирования. Это 1916 год, момент появления на свет первого в мире органа медийного саморегулирования, шведского Совета по прессе. Так что журналистской профессии (именно как профессии) – 106 лет в обед, что называется.

Что касается природы журналистики, то у меня всего одна реплика. Там, где начинается смешение журналистской профессии со специальными, начиная с пропаганды, журналистика вообще, но прежде всего – именно качественная журналистика заканчивается, сливается

известно куда. Так что свой первый рецепт конкретизирую пожеланием всем вам *не позволять себя сливать и не разрешать себе сливаться*. Репутации создаются долго, разрушаются мгновенно; это знаем все.

Мой второй рецепт: *не отворачиваться от мировой журналистики*, не загонять себя в ситуацию *опережающего изгойства*. Изучать мировое продвижение профессии *вглубь самоё себя и на вырост*. Преодолевать синдром искусственного *одиночества, дурной автаркии*. Снимать эффект *опустынивания окружающего пространства*, суть которого один из датских писателей когда-то выразил названием прекрасной детской книжки: *«Палле один на свете»*.

Мой третий рецепт: *противостоять энтропии*, не позволять обстоятельствам отрывать *людей профессии* друг от друга. *Солидарность профессионалов* изначально, со времён образований первых журналистских союзов, была и должна остаться одной из доминант журналистики: и в России нынешнего, времени, в том числе.

И наконец, четвёртый рецепт, он же рекомендация: *осваивая заново правовые технологии предохранения* от угроз своему делу, основы *правового сбережения журналистских начал*, не забывать о том, что как *профессия* (не ремесло и не специальность) журналистика начинается с *профессиональной этики*, если говорить о журналисте, и с *медиаэтики*, если говорить о начале редакционном.

После этой длинной вводной, показавшейся мне необходимой в этой аудитории, перейду к тому, что, собственно, и привело меня на форум «Журналиста».

Конкретизируя тему *убережения профессиональной журналистики* вообще и *качественной*, т.е. наиболее чувствительной к *репутационной* составляющей, прессы, в частности, но сразу и увязывая эту тему с *медийным саморегулированием*, задам первый вопрос: *кто в аудитории знает об Общественной коллегии по жалобам на прессу или даже следит за её решениями?* Поднимите, пожалуйста, руки. Спасибо, увидел.

Второй вопрос: *есть ли в этом зале люди, которые имели дело с Общественной коллегией напрямую*, т.е. были либо *адресатами жалоб*, либо (что много реже, но и такое случалось) *заявителями*, обратившимися в Коллегию после появления публикаций, поставивших под вопрос их профессиональную и общественную *репутацию*, например? Таких нет, принято.

В порядке самой общей справки: *Общественная коллегия* – двухпалатный орган *медийного само- и сорегулирования*, состав которого проходит раз в пять лет через основательную *ротацию*. Всего нас 50 человек, все мы избираемые, все подчиняемся *Уставу Коллегии*. Выработывая решения по информационным спорам, соответствующим нашей уставной компетенции, все мы руководствуемся, прежде всего, *Медиаэтическим стандартом* Коллегии. И отвечаем за занятую при этом позицию *лично*, добрым именем и репутацией: не неся ответ-

ственности за выбор перед теми организациями, которые выдвинули, предложили, а затем избрали нас в состав той или иной Палаты.

За время своего существования Коллегия приняла 236 решений. Большинство из них не только я считаю *качественными*, а порой и *продвигающими* профессию.

Что принципиально важно для этого моего сообщения: все без исключения решения Коллегии приняты в режиме *открытого, публичного* рассмотрения информационных споров, при котором каждое заседание завершается *принятием и обнародованием* конкретного решения.

Достоинства *открытого формата* неоспоримы. Он позволяет, во-первых, использовать *синергический* эффект объединения усилий людей не случайных, но при этом заведомо очень не похожих между собой: специалистов в разных областях, придерживающихся различных убеждений, имеющих свои представления, в том числе, о журналистике. И, во-вторых, *открытый формат* автоматом обеспечивает серьёзный *эффект последствия* наших заседаний. Значительная часть решений Коллегии исследуется, изучается, рассматривается журналистами, редакторами, преподавателями и студентами журфаков, группами граждан, заинтересованных в том, чтобы наша пресса обнаруживалась именно *качественной*, как *открытый учебник* или же *актуальный, полезный профессиональный практикум*.

«От добра добра не ищут»? Но *протирка оптики*, её *юстировка* очень важны и для *института саморегулирования* в том числе.

Около трёх лет назад мы с медиаюристом Виктором Монаховым, известным многим из вас со времён *Судебной палаты по информационным спорам*, а мне ещё раньше, по совместной работе в *Государственной инспекции по защите свободы печати и массовой информации*, начали разрабатывать новый, *особый* формат работы Коллегии с некоторыми категориями информационных споров. Суть его была определена термином *«медиаэтическая медиация»* (МЭМ).

Основное отличие МЭМ от традиционного для Коллегии: это формат *закрытый*.

Обращение, которое принимается к рассмотрению в режиме МЭМ, *не обнародуется* на сайте Коллегии. *Не собирается и заседаний* Коллегии. Информационный спор исследуется и поэтапно разрешается путём особой *примирительной процедуры*, *«медиаэтической медиации»*, которую проводят специалисты-медиа медиаторы. Предполагается, что они, работая небольшой межпрофессиональной группой, достаточно хорошо *разбираются в медиаправе* (очень важно не пропустить и не допустить ситуаций конфликта правовых норм с этическими), *руководствуются базовыми представлениями*, заложенными в *Медиаэтический стандарт Коллегии*, прежде всего, а работу свою ведут, опираясь на подробно прописанный *Регламент Медиаэтической медиации*. Такова *схема*, представление формата МЭМ «на пальцах», что называется.

Обязательное пояснение: МЭМ – не замена базовому открытому формату, а дополнение к нему, изначально рассчитанное на выборочное, сугубо *ситуационное* применение.

Неизбежный вопрос: откуда он, этот самый МЭМ взялся, кому и зачем он нужен?

Не углубляясь в историю вопроса, главное. Практика показала, что среди информационных споров нет-нет, да и обнаруживаются такие, отличные от остальных, при обращении к которым привычный для Коллегии *открытый, публичный* формат рассмотрения жалобы оказывается *почти одинаково плох, недопустимо затрачен* и для *адресата жалобы*, редакции СМИ, опубликовавшей материал с *этическим изъясном*, и для *самого заявителя*, потому, например, что уже само возвращение на заседании и в решении к задевшей его жизненной ситуации, попавшей в СМИ, способно причинить человеку *новые нравственные страдания*.

Называю здесь, вспоминая жалобу на материал о предположительных обстоятельствах *гибели человека*, один из возможных мотивов обращения к формату МЭМ. Но и мотивов таких обнаружил далеко не один, на самом деле, и жалоб, которые я сегодня, **задним числом**, увы, предпочёл бы рассмотреть методом МЭМ, *уберегая обе стороны*, давно уже набралось и не две и даже не пять.

Не нагружая вас коллегиальным *прошлым*, обращаю внимание на два обстоятельства, представляющихся мне особенно важными в разговоре с вами как профессиональной аудиторией, *заинтересованной* в будущем.

Первое: даже самое хорошее, сильное решение Коллегии, формально завершая информационный спор, *не гарантирует* того, что сам спор *исчерпан, разрешён полностью и окончательно*. Он может *вернуться*, – перейдя, в том числе и в правовую плоскость, в *судебное разбирательство*. Особенно в случае, если редакция СМИ, адресат жалобы, *уклонилась* от участия в рассмотрении её Коллегией.

Обстоятельство второе, возвращающее к задаче *убережения репутации* того СМИ, которое своим именем действительно дорожит. Если *заведомо сложный спор*, грозящий задеть репутацию СМИ или журналиста, может быть не просто разрешён, но именно *исчерпан* путем достижения *соглашения сторон* (без отступления от норм профессиональной этики и медиаэтики, это подчёркиваю), то так ли уж важно, узнают ли о нём другие журналисты или другие, не вовлечённые именно в этот спор граждане или организации? *Вам «шашечки» или ехать?* – как спрашивал когда-то читателей «Журналиста» Дмитрий Сергеевич Авраамов.

А теперь о *насущном*. К настоящему времени *метод МЭМ* достаточно хорошо, как нам представляется, выстроен в теории. Дело за тем, чтобы испытать его, наработать тот первый опыт, который можно будет (если он окажется успешным) посчитать именно новым словом в медийном саморегулировании и ввести в практику Общественной коллегии.

Для набора искомого *нового, во многом специального опыта* нам очень важно получить доступ к реальным конфликтным *ситуациям, грозящим, обещающим* или *просто способным* перерасти в такие *информационные споры*, которые мы могли бы *испытать* и *исчерпать* в режиме МЭМ. Такие ситуации не растут на грядках, это мы знаем. Но знаем и другое: большинство из них формируется, вызревает сегодня в вашей работе с почтой своих аудиторий.

Наш опыт показывает, что едва ли не большинство жалоб в Коллегию начинается с *неточной реакции* (или же с *отсутствия реакции*) редакции на обращение к ней граждан или организаций, задетых публикациями.

Мы не со вчерашнего дня, к примеру, обращаем внимание на практику, когда на письма задетых публикациями граждан в редакциях СМИ отвечают юристы, рассматривающие любую ситуацию несогласия с материалом с оглядкой исключительно на риски, связанные с нарушениями закона, не учитывая (не их предмет!) норм *профессиональной этики*. Оценивая такую практику, мы неизменно говорим о том, что ответ, завершающийся формулой «все претензии – через суд», *репутационно затратен*, когда и если речь идёт о профессионально-этической ошибке журналиста или медиаэтической ошибке редакции. Прерывая диалог с читателем, такой ответ, как минимум, подрывает доверие граждан и к СМИ, и к журналистской профессии.

Так что моя первая реплика-рекомендация, связанная с вашей почтой, совсем проста: старайтесь отвечать на письма лично задетых публикациями адресатов, даже и в тех случаях, когда от обязанности готовить ответы вы освобождены ст. 42 «Авторские произведения и письма» Закона РФ «О средствах массовой информации».

Вторая реплика-рекомендация сложнее. Старайтесь вовремя обнаружить и взять под личный контроль ситуации, когда предположительно *репутационно затратное* на перспективу обращение к вам в связи с конкретной публикацией может или даже обещает принять характер жалобы в Коллегию или же обращения в суд.

Оглядываясь на такую именно ситуацию, говорю: если засомневались в выборе ответа задетому лицу, покажите нам (в логике *закрытой консультации*, исключающей утечку информации) обращение читателя. Познакомьте нас с предъявляемыми вам обвинениями в предполагаемых нарушениях профессиональной этики журналиста, с предложениями об исправлении ошибки, например, или же с требованиями о принятии извинений. Если сможем – поможем разобраться в затруднении, дадим полезный совет. И, на что очень надеюсь, выделим из общего потока обращений в редакции те ситуации, которые способны принять характер достаточно опасных для редакций, *репутационно затратных* информационных споров, *пригодных к разрешению* методом МЭМ.

Предлагая вам обращаться за консультацией, снижающей *репутационные риски* (уточню, что Коллегия никогда и никому прежде таких предложений не делала), мы рассчитываем *с вашей помощью* быстрее

и точнее сформировать *предполье медиаэтической медиации*. И в итоге помочь ей стать действительно *эффективным* и при этом *репутационно-сберегающим* инструментом медийного саморегулирования.

И реплика на выходе, «*протирка*» *оптики профессии* набоковским, возвратно-поступательным путём. В своём коротеньком введении к нашему сборнику «*Мировая журналистика в нормативных этических документах*», *Рикардо Гуттьерес*, Генеральный секретарь Европейской федерации журналистов, назвал журналистику «*благородным делом, требующим благородной приверженности*».

Желаю всем вам сил, мудрости и мужества на повседневное выражение этой самой «*благородной приверженности*» в заведомо непростое для *качественной журналистики* время.

Про будущее

И вот теперь не о будущем профессиональной этики журналиста вообще, т.е. в мире (где относительно спокоен) или же профессиональной этики журналиста в России (беспокойство очень велико), но о том, что лично мне оставляет надежду на будущее самой журналистской профессии (и в России, в том числе), а с ней и профессиональной этики. В случае заметной «просадки» последней эта профессия *скатится* (не *перейдёт*, пятась, здесь никаких иллюзий) в нечто такое другое, черты которого и определять-то не хочу, чтобы не огорчиться безвозвратно: в силу прочности пуповины, соединяющей с журналистикой и сегодня, пусть уже в качестве «обслуживающего персонажа».

Завершая это письмо, *не совсем на деревню и не совсем дедушке профэтики*, вернусь к обнаруженному мной на медиафоруме «Журналиста» некоторому числу молодых людей, по преимуществу девушек, которых я ранее назвал *референтной* для себя группой.

Пару лет назад, когда только затевался «молодёжный подпроект» тогдашнего проекта Общественной коллегии по жалобам на прессу, группа студентов Московского Политеха, готовивших себя к журналистике, была для меня одной из пяти студенческих команд¹⁴.

Поясню, что сам «подпроект» в годовом проекте возник стихийно: группа студентов «Вышки», Высшей школы экономики, которой М.А. Федотов читал курс медиаправа, пришла на заседание Коллегии, чтобы посмотреть на медийное саморегулирование не в теории, а в живом виде. Посмотрела, увиденное обсудила. И заявила о желании и готовности выработать решение по той же жалобе самостоятельно.

¹⁴ Четыре из пяти наших первых студенческих команд были московскими, а одна, не очень регулярная по приходу на наши заведомо трудные, вечерние вебинары, – казанской.

Звоночек прозвенел, был услышан. Идея оказалась реализованной: студенческие команды вот уже два года рассматривают (параллельно с самой Коллегией) реальные жалобы, получаемые российским органом само- и саморегулирования, вырабатывают решения, которые мы слушаем и сравниваем друг с другом и с решениями самой Коллегии на специальных «молодёжных» вебинарах. Команды каких-то вузов вышли из игры за это время, постепенно сошли с круга¹⁵. Но какие-то заработали замечательно сильно.

Команды *Московского Политеха*, *УРФУ* (Екатеринбург), *Югорского университета* (Ханты-Мансийск), *ИМПЭ им. А.С. Грибоедова* (Москва), *Саратовского Исследовательского университета*, *Приволжского (Казанского) федерального университета* – у всех свои школы, традиции, наставники. С ними, очень разными, мне как руководителю «молодёжного подпроекта» Коллегии и модератору вебинаров, на которые мы собираемся примерно раз в месяц, чем дальше, тем интереснее (хотя и сложнее) работать. С удовольствием цитирую в этой связи Григория Юдина, очень хорошего социолога и отчасти философа: «Я думаю, что студенты – мои, и вообще студенты в России, – обычно гораздо умнее, чем старшее поколение, и в этом смысле умнее меня».

Соглашаюсь охотно, но при этом очень беспокоюсь по поводу профессионального будущего членов этих команд. Говорю сам себе: а было бы жаль, если бы и они, такие как есть, через полгода стали специалистами в эзоповом, а не профессиональном языке. Или, что уж совсем плохо, оказались бы перед выбором: или выполняй заказ – или ищи другую работу.

Велика ли вероятность такого поворота будущих биографий? К сожалению, да, велика; это понимаю. Но всё равно: именно на них, пока ещё очень свободных, думающих, склонных к полемике – надеюсь.

Кто-то ведь должен работать веслом, стоя в полный рост в той, особой лодочке, которая так замечательно получилась у светлой памяти Миши Гардубея: и в журналистике, в том числе.

¹⁵ Никаких вопросов к ним: работа в «молодёжном подпроекте» – это дополнительный к учебному, очень затратный расход времени, это большой труд, который ничем, кроме благодарности (если говорить о поощрении) не вознаграждается.